

ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ Н. Я. МАРРА О РАЗВЕДОЧНОЙ РАСКОПКЕ ДВИНА В 1899 Г.

Предлагаемые вниманию читателя 3 докладных записки Н. Я. Марра в Археологическую комиссию о произведенной им разведочной раскопке города Двин—крупнейшего политического, экономического, культурного центра и столицы древней Армении представляют значительный интерес. Н. Я. Марр был первым археологом-исследователем, который посвятил многие годы своей жизни археологическим изысканиям в Восточной Армении (Ани, Двин, Агарак, Гарни, Гегамские горы), согласно заранее разработанной им программе.

Поскольку все записки Н. Я. Марра автографы и хранятся в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Архив ЛОИА, ф. 1, 1899 г., д. 119), в легенде к каждому документу указывается только номер листа.

ОКТАБРИНА БАЛИКЯН,
КЛАВДИЯ ПЕСКАРЕВА (Ленинград)

1

22 мая 1899 г.
г. С.-Петербург

В императорскую Археологическую комиссию

Отправляясь на летнее vacationное время текущего года в Тифлис и Эчмиадзин для занятий в библиотеке, я надеюсь иметь две недели свободного времени в Эчмиадине для археологических раскопок в близлежащих пунктах, и не найдет ли императорская Археологическая комиссия желательным производство археологических раскопок разведочных в Двине. Разрешение и средства на производство раскопок¹ в случае согласия императорской Археологической комиссии² могут быть высланы мне по следующему адресу: Кутаисская губерния, Озургетский уезд, почтовая станция Чахатаури Александре Алексеевне Марр для передачи Н. Як. Марру.³

Приват—доцент *Н. Марр*

л. 1.

2

24 февраля 1900 г.
[г. С.-Петербург]

Императорской Археологической комиссии честь имею доложить следующее.

Прилагая при сем описание моей поездки в Двин⁴ и дневник разведочной раскопки⁵, произведенной мною с согласия и на средства императорской Археологической комиссии там же в августе 1899 года, я считаю своим долгом высказаться об основаниях, побудивших меня просить разрешения императорской Археологической комиссии на рас-

колки именно в названном месте. В качестве раскопочных пунктов, имеющих значение для исторической эпохи Армении, древнеармянские города представляют наиболее глубокий интерес.

Независимо от вещественных памятников местного древнего зодчества, от раскопок городищ наука ждет тех положительных данных, которые могли бы явиться желательною опорой, а в иных случаях и исходною точкою для правдивого освещения прошлого Армении в эпоху перехода от парфянского, царского режима, видоизменившего местный родовой быт, к феодальным устоям, от языческих верований к христианским установлениям. Эти данные особенно желательны ввиду густого легендарного тумана, окутывающего весь строй древнеармянской жизни и все умственное течение Армении в первые века христианства. В этих видах и была давно набросана программа, в общих чертах внесенная в один из напечатанных в изданиях императорской Археологической комиссии моих отчетов⁶. В этой программе была намечена необходимость известной последовательности в ведении раскопок городищ Русской Армении от политических и культурных центров близкой нам эпохи до более древних, иногда скрытых под ветхой сединой, пунктов. Городище Ани, с которого начато было дело⁷, конечно, не исчерпано в археологическом отношении. Напротив, произведенные пока в нем работы только что обнаружили данные для того, чтобы ориентироваться в размерах Ани и в последовательном их развитии с ростом исторического значения этого средневекового города, и, следовательно, только что сделали возможным производство более обстоятельных и рассчитанных на древности определенного времени раскопок. Однако ведение таких изысканий, теряющих характер разведок и переходящих в категорию строго сообразованных с окончательно выяснившимся характером и значением местности раскопочных организаций, требуют сил и особенно расходов, превышающих обычные нормы. С другой стороны, Ани представляет значение преимущественно почти исключительное для армянской археологии, притом сравнительно поздней (с IX века).

Между тем ни в научных кругах, ни тем более вне круга специалистов, у нас арменоведение, как и вообще систематическое и всестороннее изучение кавказских древностей, не привлекает к себе такого широкого и серьезного интереса, который мог бы оправдать в данный момент какие-либо экстраординарные меры для успеха намеченного мною научного предприятия. В таком положении поневоле приходится ограничиваться такими работами, которые подготовили бы почву для раскопок в будущем, открыв исследователям новые раскопочные пункты и выяснив их характер настолько, насколько это сделано для Ани.

Обращаясь с подобным намерением к исчезнувшим древнеармянским городам, нельзя не остановиться на двух—Арташате и Двине⁸, во-первых, потому, что о них несравненно более, чем например о легендарном Армавире, имеем исторических и отчасти топографических данных и, во-вторых, потому, что в обоих этих городах, рядом с армянскими памятниками, должны сохраняться обломки других культур, в

Арташате—римской и древнеперсидской, в Двине—древнеперсидской и арабской.

Основанный за два века до Р. Х. Арташат процветал в эпоху борьбы римлян и парфян и первенствовал среди армянских городов до IV в. по Р. Х., когда его подверг разгрому персидский царь Шапур. Армянские источники называют Арташат и позднее до конца V века, но более достоверные из них говорят об Арташате этой поры, как о селе, небольшом местечке и иногда как о крепости или Арташатом называют Двин. На смену Арташату в роли резиденции центрального правительства является Двин, существовавший и раньше, но лишь по упадке Арташата обращенный в столицу Армении; вместе с заключающей его областью он стал именоваться у армян Востаном, т. е. Дворцовым уделом.

По падении армянского царства в нем пребывали «марзпаны», правители Армении, утверждавшиеся персидской властью. Позже Двин (он же Востан или Вост) был местопребыванием арабских правителей Армении, так называемых «востиканов». При арабском владычестве Двин был значительно расширен. Еще позже Двин стал переходить то в руки местных мусульманских самостоятельных династов, то в руки соседних властелинов, иногда грузинских царей. Как Арташат, так особенно Двин в описаниях местных, еще более—иностранных писателей являются богатыми благоустроенными городами. Об арташатской роскоши говорит еще в конце I века римский сатирик Ювенал. И Арташат и Двин своим цветущим состоянием были обязаны тому, что они лежали на одном из главных торговых путей, соединявших Восток с Западом.

Арташат и Низибин⁹ в начале V века в Византии законодательно были признаны двумя выдающимися пунктами, где должна была сосредоточиться торговля с Персией. О торговом и политическом значении Двина у нас имеются более обильные данные. Между прочим, на армянском языке сохранился любопытный дорожник, в нем все торговые пути и расстояния исчисляются от Двина, как от крупного торгового центра, через который проходили пять главных путей. Кроме того до завоевания одним из местных армянских княжеств преобладающего места в судьбах Армении Двин был резиденцией главы армянской церкви; здесь происходили наиболее важные в жизни армян церковные соборы. Все это значительно содействовало, на что имеются прямые указания, украшению Двина памятниками церковной архитектуры.

В конце IX века Двин сильно пострадал от одного из часто посещавших его бедствий: землетрясением разрушило значительную часть города и погубило массу народа, но Двин опять был возобновлен на своих развалинах и продолжал существовать до XIII века.

Тем не менее в настоящее время отыскать Двин столь же трудная задача, как открыть более древний Арташат. В районе нахождения в древности Арташата и Двина на название того или иного другого города претендуют несколько городищ, представляющих из себя пустые пространства, иногда покрытые образовавшимися от осыпавшихся развалин холмами, иногда сравненные с землею.

Среди таких городищ так называемая «крепость» (берд) у самой татарской деревушки Топрах-Кала¹⁰, недалеко от богатого виноградниками армянского села Ардашар (в Эриванском уезде), особенно приковывает к себе внимание исследователя. Эту «крепость» ставят на первый план постоянные находки монет (сасанидских, арабских, греческих, грузинских), равно как других археологических предметов, на которые мною было обращено внимание, как в первое посещение этой местности, так в данную поездку. Хотя армянские и иноземные источники дают известные топографические данные касательно этих городов, особенно касательно Двина, но они в части, описывающей их внешнее положение, не настолько обстоятельны, чтобы можно было с точностью указать их местонахождение на обширном однообразном пространстве, прилежащем с севера к реке Аракс в пределах Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Сделать это тем более трудно, что, судя по армянским источникам, река Аракс уже в древности переместила свое русло как раз в этот район. В общем, однако, имеющиеся исторические данные без натяжки могут быть использованы в пользу отождествления нашей «крепости» с одним из двух близ лежавших городов (Арташата и Двина) или в крайнем случае с их каким-либо значительным предметом. Одно стоит вне всякого сомнения, именно то, что в крепости имеем остаток какого-то древнего города. Такое убеждение вынес я из обстоятельного знакомства с местностью и произведенных мною небольших раскопок, хотя последние при наличных средствах не могли, к сожалению, привести к каким-либо окончательным результатам. Пока выяснилось, что составляющие неправильный круг холмы, систематически расположенные на почти одинаковом расстоянии друг от друга, образованы искусственно от осыпания непрочных глинобитных стен весьма поздней формации, но эти глинобитные и частью каменные, грубой кладки, стены были надстроены на старом основании, оставшемся от древних кирпичных стен. Здесь в сравнительно недавнее время, быть может в XIV—XV веках, развалины древнего города были использованы новыми обитателями, ко времени которых и относится, по видимому, система глиняных водопроводных труб, открытых мною в два ряда: первый ряд глубины 2 сажень 1 аршина, второй—на 1 аршин 3 вершка ниже первого.

Раз определен, хотя и приблизительно, характер цепи холмов, дальнейшие изыскания приходится сосредоточить на центральном колоссальном холме, судя по всему, образовавшемся из развалин каких-то построек. Для доведения до конца разведочной раскопки в этом районе нужно располагать большими силами и большим значительно временем (приблизительно около четырех недель при пятидесяти рабочих). Такая основательная раскопка, в указанном пункте не может пройти бесследно для местной археологии независимо от того, что она должна дать нам материалы для решения вопроса об Арташате и Двине.

Если же разведки, веденные с известной настойчивостью, имели бы положительные результаты, то безразлично, был бы это Арташат или

Двин, открытие любого из этих армянских городов было бы встречено в ученом мире с большим вниманием и с более глубоким интересом, чем самые ценные с точки зрения арменоведа наблюдения и находки в Ани.

Как бы впрочем ни взглянуть на дело, такие достопримечательные археологические местности, как указанные городища, если не могут быть раскопаны в ближайшее время, то должны быть оберегаемы от обращения в частновладельческие или сельские общественные угодья и сохранены для будущих исследователей¹¹.

Между тем земли в районах развалин в последнее время постепенно превращаются, смотря по условиям местности, в сады, огороды или пашни. Так, например, внутри самой цепи холмов, образующих стены раскопанной мною «крепости», в этот приезд я застал виноградник, которого в 1893 г. не было. Такой захват земель в районе археологических местностей значительно осложнил дело будущих раскопок, если не будет иметь еще худших последствий, именно уничтожения всяких видимых следов древних городов. Можно с уверенностью сказать, что если дело представить обычному течению вещей, то лет через десять, пятнадцать настоящее состояние городищ в будущих археологах будет вызывать большее сожаление, чем с каким нам теперь приходится оглядываться на время (XVII в.), когда в Арташате имелись еще остатки обширного дворца.

Приват—доцент *Н. Марр*

л. 23—27.

3

25 февраля 1900 г.
г. С.-Петербург

В императорскую Археологическую комиссию

Представляю при сем доклад о совершенной мною поездке в Двин¹² (Ардашар)*, дневник поездки и разведочной раскопки и перечневую опись предметам древности из раскопок с самими предметами. В числе последних имеется несколько лишних номеров против прилагаемого списка. Это запоздавшие в пути №№9—11 и потому не представленные при счете купленных древностей, куда они относятся.

Приват—доцент *Н. Марр*

л. 21.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Открытый лист на производство археологических раскопок в Двине и уведомление Археологической комиссии на получение из Эриванского казначейства аванса в 200 руб. хранятся в Архиве ЛОИА (ф. 1, 1899 г., д. 119, лл. 3 и 10).

2. На письме Н. Я. Марра есть помета: «5 февраля 1900 г. заслушано императорской Археологической комиссией в заседании».

3. 23 августа 1899 г. Н. Я. Марр послал в Археологическую комиссию телеграмму: «Пробирую раскопку Двина закончил» (Архив ЛОИА, ф. 1, 1899 г., д. 119, л. 8).

* Так в тексте.

4. Отчет Н. Я. Марра о раскопках в Двине в августе 1899 г. опубликован («Отчет Археологической комиссии за 1899 г.», СПб., 1902).

5. Дневник разведочной раскопки в Двине хранится в Архиве ЛОИА (ф. 1, 1899 г., д. 119, лл. 23—27), а черновик этого же дневника находится в личном архиве Н. Я. Марра (Ленинградское отделение архива АН СССР—далее ЛОА АН СССР, ф. 800, оп. 1, д. 1995).

6. Н. Я. Марр имел в виду отчет, представленный им в Археологическую комиссию в 1893 г. о произведенных раскопках Ани во вторую археологическую кампанию («Отчет Археологической комиссии за 1893 г.», СПб., 1895). Об этой же программе говорилось в докладной записке Н. Я. Марра на имя Археологической комиссии от 8 мая 1893 г. (ՀԱՅԷ ՊԱՆՈՒՆԻՔԻ ՀԱՄԱՐՈՒՄԻՆ ԳՐԱՆԻՔԻՆԵՐԻ, 1981, № 6, էջ 98—99).

7. Раскопки Ани, начатые в 1892 г., были продолжены в 1893 г. Возобновлены Н. Я. Марром в 1904 г. и продолжались вплоть до сентября 1917 г. Подробнее см.: ՀԱՅԷ ՊԱՆՈՒՆԻՔԻ ՀԱՄԱՐՈՒՄԻՆ ԳՐԱՆԻՔԻՆԵՐԻ, 1981, № 5, էջ 100—110, № 6, էջ 98—114, № 10, էջ 100—114, 1982, № 2, էջ 83—92.

8. Арташат находился при впадении в р. Аракс его левого притока Мецамора (Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, с. 8).

9. Низибин или Мдбин—город, расположенный между реками Тигр и Ефрат. Один из крупнейших торговых центров Востока, столица основателя династии Аршакидов (ՀԱՅԷ ՊԱՆՈՒՆԻՔԻ ՀԱՄԱՐՈՒՄԻՆ ԳՐԱՆԻՔԻՆԵՐԻ, հ. I, Երևան, 1971, էջ 562).

10. Топрах-Кала или Торпахкала—ныне селение Хнаберд в Арташатском районе Арм. ССР.

11. В 1904, 1907 и 1908 гг. в Двине работал архимандрит Хачик Дадян. Систематические раскопки в Двине начались с 1937 г., но были прерваны во время Великой Отечественной войны. Возобновлены в 1946 г. и до 1976 г. проводились под бессменным руководством К. Г. Кафадаряна (1907—1976) (К. Х. Кушнарева. Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, с. 5). Раскопки Двина продолжаются и поныне.

12. В личном архиве Н. Я. Марра хранится черновик его доклада в Археологическую комиссию о поездке в Двин в августе 1899 г. ЛОА АН СССР, ф. 800, оп. 1, д. 1931).